

**ГАЛИНА
ЩЕРБАКОВА**

МАЛЬЧИК И
ДЕВОЧКА

Галина Николаевна Щербакова
Мальчик и девочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124005

Мальчик и девочка: Вагриус; Москва; 2001

ISBN 5-264-00670-9

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

21

Галина Щербакова

Мальчик и девочка

* * *

Еще не проснувшись, он понял, что ему снился опять тот же сон. Он один, ему страшно, он зовет маму, а она ушла. И он кричит так, что волны (справа от него много воды – видимо, море), так волны просто выпрыгивают и падают вниз, едва не затаскивая его с собой. Но тут возникает мама и бьет его, бьет. Счастье боли от мамы, пусть бьет, главное – она рядом.

Он спрашивал у родителей, откуда этот сон. Он ведь никогда не был на море.

– Был, – говорит мама. – Тебе было три годика. Я возила тебя укреплять в Анапу. – Типично мамино: укреплять. Как дверь, как полы.

Значит, море было. А раз оно было – было и другое. Мама бросила меня на берегу. Потом испугалась, нашла и побила. Тоже логика мамы.

– Сколько мне было лет?

– Три года, – говорит папа. – У тебя была двусторонняя пневмония, и тебе надо было море.

– Ты был с нами? – Важно выяснить наличие отца, когда

тебя бросают на произвол судьбы у волн, стоящих дыбом.

– Нет, я тогда не смог. Да и вообще курсовка была одна. (Объяснение, что такое курсовка: хорошее дело для людей, не имеющих средств на санаторий.) «Мы же не богачи». (Мама, с обидой.)

Мальчик не рассказывает матери – зачем? – что с этого сна он понимает ужас брошенности. Раньше он кричал во сне, сейчас – нет. Более того, ему стал нравиться кошмар сна (как страшилки в кино), он полюбил его анализировать. Что делала мама, когда на него делали стойку волны? А где были спасатели? Ведь должны быть спасатели, которые следят за пляжем?

– Мама, а там были спасатели? – спросил через несколько снов-лет. Она его ударила. Но тут-то зачем? С какой стати? Видимо, маме неприятно, что он помнит, как она была невнимательна к нему трехлетнему. Все-таки нехорошо, когда тебя тычут в твою вину.

Но сон продолжал сниться. Вот и сейчас. Этот ужас от потерянности и от волны, что встала так близко и неотвратимо. Но, видимо, не очень близко, если плюхнулась все-таки не на голову. Но спасатели? Каковы? Есть хотя бы что-то, на что можно положиться у нас с полной уверенностью? Интересная мысль для пододеяла. Итак... Положиться можно на... Ничего не приходит в голову. «Скорая» вовремя не приезжает. Поезда опаздывают. Учителя – хамы. Дружба просто сочтется предательством. Милиция бьет всех. Президент счи-

тает, что нормально превращать людей в животных. Клонирование рядом с этим – детская забава. И опять же – спасатели не спасают. Все! Надо вставать. Сон сделал свое дело. Испортил настроение и возбудил гнев. Теперь надлежит перейти от сна к яви. Это у него не простое дело – расщеперил глазки, и ку-ка-ре-ку! У него это процесс.

Первое, что он должен сделать, проснувшись, – назвать число и день. Второе – мысленно проинвентаризировать то, что надлежит ему увидеть, когда он откроет глаза. Итак, 19 июня, понедельник. Слева у него окно со следами зимней бумажной заклейки. Он ненавидит ее узор и цвет. Дело тут простое: под бумагой этого года проступает позапрошлогодня заклейка газетами. Мама – экономная, специальную бумагу не покупает. В прошлом году ей учителя подарили бумагу на 8 Марта вместе с разной пластмассовой дурью. Мама рассердилась и сказала, что не надо ее унижать такими подарками. Сами «дарильщики» седьмой год носят одно и то же пальто, а если идти на поводу времени, когда все есть в магазинах, то нечего в другого тыкать бумагой для окон. Старый опыт жизни не хуже нового. Время, когда окна заклеивались газетами, было бедным, но люди от этого хуже не становились. Он лично с мамой не спорит. Ее дело – бороться с жизнью как умеет.

Потом он увидит на стене свой детский рисунок. Мама тогда решила, что у него талант, и таскала его на занятия к какому-то хромоногому художнику. Мальчик придумал на-

рисовать en face лицо воробья. Это же надо! En face у воробья практически нет. Но мальчик сжимал крошечное чучело в мастерской учителя и рисовал клюв, который в прямом на него смотрении непостижимым образом вытягивался вперед, мертвые глазки сбегались вместе и между ними не оставалось перемычки.

Вот этот клюв и висел на стене как знак победы, что нечего тратить деньги на хромонокого художника. Потом будет его рабочий захламленный стол, под стулом кеды с торчащими носками и запахом, который достает его каждое утро. Нет, он моет ноги и меняет носки. Пахнут сами кеды, им тридцать лет и три года, куплены на вырост, но целые, сволочи, а значит, не будут заменены другими, ибо «мы не какие-нибудь бизнесмены». Тут он открывает глаза, хотя хотелось бы еще не вставать, а жить только мысленно, без движений и тем более говорений. Но так не бывает.

Слава богу, что каникулы и не надо идти в ненавистную школу, где он все время слышит голос мамы-учительницы, пронзительный и виновато злой. Она ведь знает, что нельзя кричать на детей, но одновременно знает и другое: не кричать нельзя тоже. Есть такие противоречивые вещи, которые одновременно и плюс, и минус. С этим ничего не поделаешь, это, можно сказать, явление природы, как дождь. С одной стороны, полив земли и ее посевов, а с другой – распутица, грязь и грипп. Мама – странная. Она все время говорит и делает глупости и тут же объясняет их как нечто безусловно

правильное. Мальчик за это даже любит мать, видит в этом биение пусть заполошенной, но все-таки мысли или хотя бы ее попытки. Не таков папа. Папа – тот просто дурак. Дурак классический. В нем нет ни малейшей щелочки, куда могла бы внедриться мысль величиной с атом. Сто разумных мыслей, тысяча будут биться о папину структуру – интересно, из чего она? – и не проникнут. Однажды он видел, как папе делали укол в попу. Игла вошла спокойно. Но нельзя же допустить такую мысль, что спрятанная в трусах и брюках попа есть единственное место, способное воспринимать что-то, ибо только она проницаема и проникаема?

– Ну если ты открыл глаза, чего ты не встаешь? – кричит мама, появившись в дверях чуть раньше, чем он представил, как она появится и крикнет. – Ты помнишь, что мы едем сегодня на дачу?

Нет, он про это забыл и сейчас испытал легкую тошноту от мысли, что каникулы – это дача, эти противные ему мальчишки, которые за год еще более отупели и будут рассказывать ему скабрзные истории и ржать широко открытыми, полными слюны ртами.

Чтобы представить дачу, надо снова закрыть глаза. Рабица. Она тянется долго-долго, местами прерываясь на металлические калитки с замками, спрятанными от дождя в вырезанные из бутылок пластиковые стаканы. «Очумелые ручки» называется. Потом будет выбоина, оставшаяся после всех и всяких дурачьих строительств, а за ней уже их калитка без

очумелого стакана, так как у папы нет ума, чтоб присобачить замок, а мальчику это вообще по фигу.

– Ты встанешь или нет? – кричит мама.

Как противно открывать глаза. Если бы можно было жить хоть чуть-чуть в мертвом виде, то он согласился бы. Пребывание в гробу – в сущности, идеальное состояние недостижимости. Хоть лопните все – не достанете. Но это хорошо, когда что-то в тебе способно осознать это и позлорадствовать. В общем, он уже многое читал про то, что остается тонкое тело, которое вполне может смотреть и присутствовать при его гробе. Но лично ему не хватает доказательств, поэтому он живой, он встает, он идет в уборную, где мама успела уже навести чистоту и поэтому тошнотворно пахнет хлоркой.

Хлорка. Почему-то это связано со сном. Там, где было море и не было, видимо, спасателей, тоже воняло хлоркой. Он чувствует этот запах и видит лестницу, которая ведет куда-то вверх. К длинному помосту – коридору? – повисшему над морем. Там где-то мама. И он кричит: «Мама!» Она бежит по лестнице вниз, легкая, как чайка, и уводит его от запаха хлорки.

Да! Он это хорошо видит. Теперь он знает: это и есть место спасателей. Они, так он знает из кино, в большие бинокли смотрят из пытающихся утонуть идиотов и маленьких придурков, сносимых (такая возможность есть, он знает) волной.

– Там были спасатели! – говорит он сейчас. Через сто лет.

Мама недоуменно смотрит на него.

– В Анапе, – объясняет он ей. – Я вспомнил.

– Что ты еще вспомнил? – спрашивает она.

– Хлорку. Там воняло хлоркой, как у нас сейчас.

– Дезинфекция. Тогда в Анапе была дизентерия, и мы быстро уехали.

Это неправда. Они были тогда два месяца. Он, конечно, не помнит сколько. Но он слышал тысячу раз, как у него была пневмония и мама плюнула на собственный отдых и повезла его на целых два месяца в эту тьмутаракань без удобств и всего прочего (одним словом, курсовка) и укрепила ребенка, и с тех пор – тьфу, тьфу! Концы с концами не сходились. Со временем всегда так. Оно то наползает на другое, то разрывается на части.

– Ты собрал то, что тебе нужно? – спрашивает мама.

Он ничего не собрал, потому как ему нужен телевизор, видюшник, музыкальный центр, но это ему брать не разрешено. На даче додыхает старенький «Рекорд», который ловит только второй канал, и плеер, который был ему подарен на десятилетие и на всю оставшуюся жизнь.

Что он будет там с ним делать? Он представил, как дачная молодежь начнет тянуть его выпить, хуже вкуса спиртного он не знает ничего. Но тамошний народ может вполне прибить за такие несовременные соображения. И травку он не любит, у него сразу закладывает нос, и он начинает жить с открытым ртом, становясь самому себе омерзительным. Его

за все это не любят. Он годится только для игры в настольный теннис и попинать мячик. И еще у него есть гитара, даже две, и старенькая органоло. Это его сильная сторона. Они (не он), другие мальчишки, любят собраться и на их территории корчить из себя группу игроков. Ломаются, выгибая спину, чтоб гитара взмывала вверх, ноги ставят на пни, чтоб торчало голое колено из модно порванных джинсов. И дурьи вопли летят в небо с дурьими словами. Он говорил им: «Давайте возьмем текст у Окуджавы или кого еще, тогда, может, и музыка придумается». Ну что ты! Они сами с усами. Они не пальцем сделаны, а значит, не хуже Окуджавы, этого сто лет назад умершего маломерки.

Он пьет чай и думает о существовании в гробу. Вот бы отчебучить такой номер. И пошла бы она, эта дача, на хер.

За ними должна заехать Дина. Дина – мамина подруга. Так мама говорит. На самом деле мама ее терпеть не может – плохой, мол, предметник, плохой воспитатель и вообще ни то ни се. А дело все в том, что ученики Дину обожают, парни говорят о ней гадости, но ведь это и есть доказательство интереса. Мама учит Дину жить, у них разница в годах лет десять, но мама говорит, что три. Он лично в возрастах женщин не разбирается. Мама есть мама, она уже пожилая женщина, ей сорок на следующий год. А Дина молодая, еще не замужем, но никто про нее не говорит «старая дева». Не ложится это на Дину. Дина учит детей «химике» и физике вместе взятым по причине кризиса образования. Она ему не до-

сталась как учительница, ему досталась мама. Она у него чистый математик. Так вот на Дину свалился с печки мужичок с ноготок – дай бог, дай бог, фальшивит мама, – торгует школьным оборудованием, ну Дина и прошла у него, видимо, как эквивалентный обмен за ящик реторт. В общем-то мальчик хорошо относится к Дине, и когда та говорит в шутку, что дождетя, когда мальчик кончит школу, она пойдет за него замуж, он соглашается. Он (с закрытыми глазами, естественно) видит себя вместе с Диной. От нее хорошо пахнет, она не исходит глупостью, как мама с папой, и вполне ничего для показа. Невысокая, с хорошей грудью, волосы вьющиеся, подстрижены коротко. Но самое главное – у нее большой рот с мясистыми губами, всегда влажный и никогда не накрашенный. Если его одолевали мысли о сексе, то он видел Динин рот, и больше ничего и не надо было. Но это не значит, что он только об этом и думал. Просто когда мама говорила папе, «какие уродливые губы у Дины и надо бы ей расстараться на косметическую операцию», он думал, что степень идиотии родителей безгранична. Теперь, когда появился торговец ретортами, ему было интересно, видит ли тот рот Дины так, как видит он, или он тоже сторонник приведения в норму того, что лучше всего.

Он рассмотрит его сегодня получше. С ним приедет Дина, чтоб перевести их барахло на дачу, а вместе с ним – и его с мамой. Боже! Как это ему противно!

– Я забыла тебе сказать, – говорит мама, – что Дина по-

живет с нами.

– То есть? – спрашивает он.

– Ты взрослый. Уже можешь понять. Отношения с Николаем Сергеевичем (ретортой) в той стадии, что ей лучше не уезжать далеко. Дача – лучшее место, чтоб все не кануло. Он на колесах, и на электричке всего сорок минут езды. Так обосрать одним махом подругу могла только его очень добрая мама. Потому что от такой Дины его едва не стошнило. Он знал, что летом она всегда ездит на Азовское море, где у нее родители. А тут вымерен километраж доступности к человеку-реторте и куплен мобильник, чтоб раз – и достать.

– А где она будет жить? – спросил он.

– Ну сообрази, – ответила мама.

– Тогда я остаюсь в городе! – сказал он. Но в этот момент позвонили в дверь, и они ввалились – Дина и этот. Дина кинулась к мальчику и сказала, что она везет классные диски и несколько боевичков. Он хотел ответить, что телевизор и видак у них не принято брать на дачу, но Дина сказала: «Знаю, знаю, мы везем свой!» Он спускал вниз связанные углами одеяла, Николай – как его там – пер выварку с посудой, а дамы прихватили какие-то страшенькие чемоданы. Значит, она будет спать в его комнате, комнатушечке, комнатулечке, пристроенной к стенке дачи, что придавало всему строению вид амбарного ларя, но отдаленность от родителей стоила больше эстетики. Подумаешь, беременная ларем дача, главное – в комнатуле есть дверь с задвижкой и ставни. Он

мог укорачивать день до минимума, а ночь в ларе была просто бесподобно черной. Теперь пользоваться этим счастьем будет Дина, а он будет жить на проходной улице – террасе, и вороны нестриженными когтями будут драть рубероид, выискивая в его ложбинках съедобную живую мелочь, а все окна будут открыты круглые сутки, и в них будет целый день пляться солнце, потом луна и звезды и все необъятное небо, с которым у него плохие отношения. Он не любит небо, как не дающуюся ему в разумение субстанцию. Он не понимает бесконечность и вечность. В том, что звезды были всегда на одном и том же месте и тупо пялились и на Гитлера, и на Петра, и на Наполеона, и на принцессу Ди, и на Жанну д'Арк, есть какой-то жестокий замысел – унижить червяка-человека, чтоб знал свою крошку со стола мироздания. Да и ведает ли Главная Жизнь о его, к примеру, существовании? О его тюке на коленях, об этой женщине, что захватит его спальный ларь? Интересно, будет ли ей кайфово в черной тьме или она раскроет ставни и будет пляться на небо, которому на нее сто раз плевать. Даже не так. Плевать – это относиться. Это иметь чувства. Небо никогда не хотело, не хочет и не будет хотеть знать про их человечью возню. Дина поворачивается к нему своим пленительным ртом:

– Я знаю. Я тебя ущемляю в правах. Но стерпи меня две недельки, ладно?

– Какой разговор! Какой разговор! – кудахчет дура мама.

– Почему именно две? – спрашивает он.

– Через две недели мы с Николаем Сергеевичем едем на юга. Я тебе оставляю всю свою музыку до конца лета.

– Клево, – отвечает он. – Я согласен.

– Ты хам! – кричит мама. – Как будто тебя кто-то спрашивает!

– Успокойся, Варя! – говорит Дина. – Он прав.

– Что значит прав? Что значит прав? Можно подумать, что он не сын, не мальчик, который с радостью должен уступить взрослому человеку, учителю.

– С какой стати? – говорит он. – Хотя бы для приличия предупредили. Ладно! Живите, Дина Ивановна. Я согласен на сделку.

Дина смеется. Реторта кривит рот. Мать кричит, что расскажет все отцу, хотя у того последнее время болит слева, она боится за него – мужчины, как выяснилось, существа куда более хлипкие, чем женщины.

– Замечательный анекдот, – смеется Дина. – Жена спрашивает мужа: «Ты коня на скаку остановишь?» – «Не-а», – отвечает муж. – «А в горящую избу войдешь?» – «Не-а», – отвечает тот. – «Вот и слава богу, что ты у меня не баба». Мама сидит обиженная. У нее была совсем другая мысль на тему мужчины и женщины, умная мысль, а Дина перед своим хахалем все время выставляется и говорит не то и не так.

– Я серьезно, – шепчет она мальчику, – ты с папой поделикатней.

Конечно, можно ее уесть, что это она собиралась развол-

новать папу, рассказав, какой у него некудышный сын. Ну да ладно. Не будет он мучить мать. Он закрывает глаза. Он хочет представить смерть отца. Вначале он ищет эту смерть в своем сердце. Ищет боль или жалость, может, страх, ну, одним словом, из этого ряда чувств. Но сердце, большое и сильное, бьется так спокойно и даже величественно, что другие органы – гортань, к примеру, как бы начинают смущаться таким бесчувствием сердца. «Но я же его не люблю!» – говорит мальчик, хотя, говоря, уже стыдится сказанного. Мальчик понимает это так: в нем нет какого-то естественного природного фермента, который сродни альбинизму. Тут уж ничего не поделаешь – ты весь белый, белый до противности, но другим быть не можешь.

Мальчик представляет отца в гробу – ведь себя он представляет на дню по три раза. Отец выглядит очень важно и гораздо глупее, чем в жизни. Мальчик думает, что это надо проверить: посмотреть на какого-нибудь мертвяка, знакомого по жизни. Но такое не закажешь специально, этот случай должен подвернуться, как подвернулась Дина со своими двумя неделями. Интересно, будет ли к ним на дачу приезжать этот Николай-реторта? Этот вопрос, как вспышка молнии, потому как во весь могучий рост выдвигает на первый план его узенький диванчик-подросток, который давно ему мал, но «мы не такие богатые, чтоб менять хорошие вещи (диван цел и крепок) на лучшие». Им (Дине и Реторте) на нем не поместиться. Мальчик мысленно укладывает их и так, и

эдак. Со своей насквозь просмотренной звездами терраски он услышит их возню, как всю жизнь слышит родительскую, от которой у него выше головы выросло чувство протеста против неправильности такого человекоустройства, при котором он (человек) столь шумен, стыден и отвратителен. Он наблюдал за животными. Его просто ошеломили кошки изяществом движений сексуальной игры. Даже ночные кошачьи вопли не раздражали его, в них слышалось что-то сущностное, страстное и нестыдное. Собаки – те куда ближе к человеку. Они суетливы, торопливы, им, как и людям, быстрее бы сбросить груз желания. Как это может быть у Дины? И тут он понял, что ненавидит Реторту. Если он услышит специфические звуки «из ларя», он войдет и убьет его обухом. Небольшой, под женскую руку топорик стоит у них у входной двери. Имеется в виду, что каждый из них – мама, папа и мальчик – запросто прихлопнут бандита, который вломится ночью. Теперь у топорика появился смысл, и мальчик сжал узкие повлажневшие пальцы в кулак. На литературе, когда разбирали Раскольникову, учительница как-то очень грубо спросила: мог ли кто-то из них примерить на себя поступок Родиона? Она спрашивала так, будто ни на грамм не сомневалась – все мальчики девятого класса потенциальные убийцы. Они все возмутились, хотя потом, уже в разговоре между собой, некоторые признались: в жизни нельзя ни за что поручиться. Конечно, заповедь и то и се. Но кого она оставила? Убивают за так, за раз плюнуть. Но он сказал, что

сам не смог бы. Ни при каких обстоятельствах. «Ты теха», – сказали ему. – «Я теха», – согласился он.

Вообще на этом месте мальчик вдруг почувствовал, что где-то в его глубине – «нутре», подумал он, маленькая клеточка, такая незаметная из себя дура, набрякла, набухла, вытянулась, и из нее получились две. Он бы отследил и дальше этот вполне физико-химический, а значит, конкретный процесс, если бы они не въехали на территорию их дачного товарищества и на приезд машины не высыпал мелкий дачный люд, отслеживающий приезды и отъезды. На лавочке сидели те мальчишки, которых мальчик видеть не хотел, но увидел их сразу, в этом было свинство жизни, но он помахал им рукой, потому что так принято – здороваться даже со скотами, если отношения не обозначены окончательно. Сначала скажи открыто «сволочь», а потом уже не здоровайся. Это правило жизни. Но он не может никому из них сказать «сволочь», они такие же, как он, не лучше, не хуже, просто они ему не нужны, но это не повод не здороваться. В конце концов, в отношениях с мамой и папой у него все гораздо сложнее: он их не любит, а ест их хлеб. Хлеб мальчишек он хотя бы не ест.

Потом была разгрузка и установление прежде всего техники. «Рекорд» унесли в родительскую комнату, а в углу террасы аккуратненько стали красивенький «Шарп» с видаком и комбайн. «Вот это жизнь!» – сказал мальчик, усаживаясь на длинный расхлябанный диван, на котором ему теперь пред-

стояло спать. Он боялся, что Дина с человеком-ретортой поставят технику к себе, то есть в его «ларь». Но они люди широкие, они делятся своим, да, по правде говоря, в его клетушке и места нет. Там от стенки к стенке его диван-подросток, а над ним полка с книжками, которые мама привезла, чтоб он их читал. Хрен тебе, мама. Я, может быть, и читал бы, не выставляй ты мне их перед глазами. Конечно, это вряд ли. Что может его подвигнуть читать «Молодую гвардию» и «Как закалялась сталь», какой такой ужас? Ни при каких обстоятельствах он не будет возвращать в себе патриотизм, так как не собирается защищать эту родину, разве что если китайцы или корейцы пойдут тучей. Хотя и это не факт. Никто не способен принести его народу большего зла, чем он себе сам. Он это не то что прочел, он это понял. Он знает, что все русские делятся на две равные половины – разрушителей всего, что на земле, в небесах и на море, и тех, кому это все до фени. А строить потом на обломках – это великая национальная забава народа во все века. Дворцы – на кладбищах, храмы – на бассейнах, сады – на лесах, леса – на огородах, речки засыпать, озеро вырыть и так до бесконечности преобразований. Он любит с детства спрашивать: что здесь было до того? Родители очень злились. Все их дачное товарищество стоит на месте уникального паркового ансамбля еще прошлого века с удивительной липовой аллеей. Теперь все липы перевязаны проволокой и притянуты к рабицам. Видимо, имеется в виду фантастическая русская мысль, что ко-

гда-нибудь липы вздрогнут корнями и уйдут далеко-далече. На этот случай – их проволокой. А посреди аллеи срамной канализационный ручей, он подтекает к амурному мальчику прошлого века с отбитыми носом, ушами, колчаном, но так пригашавшемуся в землю, что его самого валили-валили, валили-валили, а он даже не вздрогнул. Но все равно когда-нибудь взорвут, потому что это уже дело принципа. Никто и ничто не может быть сильнее русского человека. Так говорит папа. И мама кивает: «Да!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.